

Джокьякартское серебро

Л. ДЕМИН

ЦЕНТРОМ производства знаменитых дожокьякартских серебряных изделий является не сама Джокьякарта, а старинное предместье Котагеде, куда мы едем. Останавливаемся возле небольшого базарчика. Идем пешком по переулку, такому узкому, что не развезаться и двум велосипедистам. Фасады домов — глухие кирпичные стены без окон. Станным контрастом в это средневековые врываються откуда-то шальные звуки радиолы. Останавливаемся перед низкой дверью, над которой красуется громкая вывеска: «Фабрика серебряных изделий». Пришлось нагнуться, чтобы войти внутрь.

Нас встретил сам владелец «фабрики», пожилой полный индонезиец в домашнем клетчатом саронге и яванской шапочке. Пригласил в темноватую гостиную, которая освещалась только небольшим оконцем, выходящим в тесный внутренний дворик. В углу, за старинной конторкой, сидел молодой парень, оказавшийся сыном хозяина, и что-то вписывал в бухгалтерскую книгу.

— Посмотрите мою продукцию, — предложил хозяин. — Извините, что могу показать вам немного. Покупатели ходят сюда часто. Обычно я сразу же сбываю всю продукцию в крупные магазины Джокьи, Сурабаи и столицы.

Мы осмотрели выставку серебряных изделий: чаши, вазы, блюда, пепельницы, табакерки, подносы, кофейные сервизы, подстаканники, оправы для фляг, женские украшения. Нас поразило разнообразие талантливых, удивительно самобытных работ.

И все-таки в каждом предмете угадывалось что-то общее, какая-то общность стиля или манеры мастера, хотя табакерки не походили на кофейники, блюда не походили на вазочки. Я не мог сперва понять это общее. Мне помог сам хозяин.

— Посмотрите на этот орнамент. Вы увидите его и на блюдах, и на кофейном сервизе, и на подстаканниках, и даже на женских украшениях. Это орнамент моей фабрики. В Котагеде много других фабрик и мастеров-одиночек. Их изделия имеют свои орнаменты. Но нет ни одного точно такого же, как мой.

Как обычно, орнамент изображал причудливые листья какого-то неизвестного мне тропического растения, отдаленно напоминающие по своей форме листья клена. Листья сочетались с цветами. Поражала филигранная работа чеканщиков. На поверхности серебра были воспроизведены с дотошной тщательностью каждая прожилка листа, каждый изгиб крохотного лепестка цветка.

Хотя, как я узнал при знакомстве с «фабрикой», мастера штампуют листовое серебро в горячем виде с помощью специальных штампов-трафаретов, это не снимает нужды в искусных руках артиста. Самому изготовить штамп с орнаментом, который может быть использован только несколько раз для уникального изделия, — это уже искусство. Много сил тратится на окончательную отделку, подчистку после штамповки. Наконец, многие изделия — необычные и сложные по форме блюда, кофейники, ва-

зы — чеканятся вручную, без штампов и трафаретов.

Эта фабрика — одна из самых крупных. Здесь трудятся десятки два рабочих. Большинство других предприятий — совсем крохотные мастерские, где работает один мастер с двумя-тремя подмастерьями (обычно глава семейства с сыновьями).

Вся «фабрика» помещалась под небольшим навесом в углу тесного дворика. Обнаженные до пояса рабочие сидели, поджав под себя ноги, на соломенных циновках и усердно трудились, не обращая на нас внимания. Один из них плавил серебро с помощью маленького ручного горна.

Хозяин пожаловался на трудности с сырьем. В районе Джокьякарты нет серебряных рудников. Приходится скупать для переплавки старинные голландские серебряные монеты — гульдены и флорины. Как правило, в производство идет не чистое серебро, а сплав серебра с другими металлами. Обычная проба серебра 50—80 процентов. Серебро с пробой 60 процентов уже считается высококачественным. 70—80-процентный сплав идет на изделия по особым заказам, для экспорта.

— Учтите, что другие фабрики вам поставят низкопробное серебро, которое через две недели потемнеет, а выдадут его за 80-процентное. Моя фабрика — солидная марка, полная гарантия, никакого обмана, — сказал хозяин привычным тоном коммерсанта, рекламирующего свой товар и поносящего конкурентов, и для убедительности подбросил на ладони увесистый слиток металла. Затем передал слиток рабочему с горном и что-то сказал ему по-явански. Тот бросил слиток на жаровню и стал орудовать горном. Когда слиток раскалился до белизны, его подхватил щипцами второй рабочий и, опустив на маленькую наковальню, стал сплющивать молотом. Слиток был слишком большим, а наковальня и молот игрушечными. Поэтому сплюснутый, но не ставший листовым серебром слиток остыл раньше, чем следовало. Первый рабочий повторил операцию — вновь раскалил металл до белизны. Второй вновь опустил слиток на наковальню и стал сплющивать его молотом. Наконец серебро стало листом, тонким, как почтовая бумага.

— Теперь из этого листа можно сделать любую вещь. Убедитесь сами, — сказал хозяин.

Когда мы были уже в машине, я спросил своего сопровождающего — господина Рахмади, каков средний заработок рабочего в Котагеде. Ведь серебряные изделия ценятся в Индонезии недешево. Рахмади откровенно ответил на мой вопрос.

— Да, хорошие безделушки из серебра дороги. Но ведь владелец магазина, продающего их, желает получить доход. Желает извлечь максимальный доход и владелец фабрики. Таким образом, рабочему остается не так уж много. Вы сами видели так называемую фабрику. Вероятно, такая же техника была и в прошлом, и в позапрошлом веке. Руки рабочего — вот главное орудие производства. Это орудие было всегда дешево.

Джокьякарта